АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ПРОПАВШИЙ УЧЕНЫЙ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Пропавший ученый / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-253703-5

После окончания войны некоторые немецкие ученые изъявили желание переехать в СССР, чтобы продолжить научную деятельность. Среди них – Фридрих Лоренц и Вальтер Хоффман, работавшие над созданием баллистических ракет. Однако спустя некоторое время Хоффмана похищают, а Лоренца находят повесившимся. Группе подполковника Максима Шелестова приказано разобраться в ситуации и вернуть похищенного специалиста. Шелестов уверен: несмотря на предсмертную записку, Лоренца убили. А у Хоффмана незадолго до исчезновения была встреча с подозрительным человеком. Остается только вычислить этого неизвестного. Оперативники даже не догадываются, куда приведет их этот след...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-253703-5

© Тамоников А.А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Доклад для правительственной комиссии — дело серьезное. Здесь нужны не эмоции и лозунги. В таком докладе мало даже использовать чисто научные выкладки. В большей степени это уже экономика, это обоснование целого научно-промышленно-военного направления. И здесь, в Тюрингии, в немецком городе Блайхероде, где был создан институт «Рабе», проводилось изучение полученных немецких технологий, научно-практических достижений в области ракетной техники, советские ученые жадно впитывали все, к чему раньше их пришли немецкие ракетчики во главе с самим фон Брауном.

Телефонный звонок раздался в половине двенадцатого.

— Борис Евсеевич, к вам товарищ Алексеев, — раздался в трубке голос помощника. — Говорит, что это очень важно.

Борис Евсеевич Черток оторвался от черновиков и посмотрел на часы. Если звонят в половине двенадцатого ночи, да еще и «товарищ Алексеев»...

— Да, да, конечно. Проводите его ко мне, — поспешно ответил ученый и, положив трубку, не глядя нашарил пиджак на спинке стула.

Прерываться не хотелось. Потом снова придется настраиваться на нужный ход мыслей. Но надо мириться — цена слишком велика для Родины.

В холле его ждал военный с погонами майора, который, заложив руки за спину, прохаживался от стены к стене, рассматривая старые немецкие гравюры, оставшиеся от прошлых «хозяев» помещений. Ученому даже показалось, что майор тихо напевает себе что-то под нос. Вот люди — ни усталости, ни уныния!

— А, Володя! — Черток улыбнулся и протянул руку для пожатия.

Майор обернулся, и теперь стало видно, что глаза у него красные от хронического недосыпания. Он устало улыбнулся одними губами и пожал руку.

— Простите, что в такое время, Борис Евсеевич, но дело неотложное. С вами хочет встретиться одна женщина!

— Со мной? — усаживаясь вместе с майором на диван у стены, спросил ученый.

— Ну, не конкретно с вами. Она вас не знает. Она ищет контакта с советским командованием, но по вашей линии. Это жена немецкого инженера Гельмута Греттрупа.

— Господи, на нее-то вы как вышли? — удивленно воскликнул ученый.

— Ну, есть у меня своя женская агентура, — рассмеялся майор.

— Хорошо, конечно, Володя! Где и когда должна произойти встреча? Вы все организуете?

— Да, конечно, — кивнул майор. — Встреча завтра.

— Ах ты, как это не вовремя! — закусил губу ученый, вспомнив про черновики доклада. — А что за спешка такая?

— Инженера и его семью американцы готовят к эвакуации. Они сейчас там. Встреча произойдет на границе оккупационных зон.

— Та-ак, — задумчиво протянул Черток. — Значит, рискуем опоздать? Спасибо, Володя! А это любопытно, почему инженер хочет к нам, а не в США.

* * *

Солнце стояло высоко. Было тихо, и пахло спелыми травами и луговыми цветами. В назначенное время к большому замшелому камню вышла высокая блондинка в дорожном спортив-

ном костюме. Рядом с ней с прутиком в руках шел мальчик лет восьми.

— Здравствуйте, — произнесла женщина по-немецки. — Вы русский ученый? Вы полномочны принимать решения?

— Да, мне сказали о цели нашей встречи, — ответил Черток, с интересом глядя на мальчика. — Я могу все, что нужно, устроить, но для этого вам придется ответить на несколько вопросов... фрау?

— Фрау Ирмгард! А это мой сын. Я взяла его с собой для конспирации. Если бы нас задержали, я бы сказала, что мы отправились на прогулку и заблудились.

— Вы решительная женщина! — одобрительно улыбнулся ученый.

— Да, многие серьезные вопросы в нашей семье принимаю я, — спокойно ответила Ирмгард. Муж весь в науке, поэтому кто-то должен принимать решения. Вас, безусловно, интересует цель нашей встречи? Мы не очень хотим ехать в США, хотя американцы очень настойчивы. Видите ли, мой муж работал в Пенемюнде заместителем руководителя группы управления баллистических и управляемых ракет. Проще говоря, именно он отвечал за системы наведения «Фау-2» и знает о ракете едва ли не больше самого Вернера фон Брауна.

Американцы уже перевезли нас в город Витценхаузен, в свою оккупационную зону, и через неделю-другую собираются отправить за океан.

— Вы хорошо разбираетесь в его работе, — сказал ученый. — Вы тоже инженер?

— Да, но я решила бросить науку и посвятить себя семье.

— И все же почему вы не хотите лететь в США, а предпочитаете, как я понял, Советский Союз?

— Все просто — я ненавижу нацистов. Когда-то мне «посчастливилось» даже побывать в гестапо, в камере. Я понимаю, хорошо понимаю, что американцы не только не спешат осуждать нацизм, они сами не очень далеки от него. Но для окончательного решения вопроса мне бы хотелось знать... — женщина посмотрела ученому прямо в глаза. — Что вы, русские, нам обещаете? Что вы обещаете инженеру Греттрупу?

* * *

То, что Берия отменил утреннее совещание, Платова удивило. Обычно Лаврентий Павлович не любил менять планы, и если такое произошло, то этому имелась веская причина. Но когда Берия попросил Платова зайти к нему, это заставило задуматься генерал-лейтенанта Платова — начальника отдела «Ф» НКВД СССР,

который возглавлял работу на территории стран Восточной Европы по сбору информации от граждан СССР, побывавших в плену или интернированных. Его отдел занимался также проверкой и фильтрацией репатриируемых советских граждан и граждан союзных и нейтральных государств. Значит, отмена совещания и вызов Платова связаны именно с этим. Недавно отгремела война, и дел у отдела «Ф» было очень много.

— Садитесь, Петр Анатольевич! — предложил Берия и стал расхаживать по кабинету, потирая руки.

Платов никак не мог понять, на что это похоже: на то, как человек потирает руки, когда замерз, или на то, как это делают от удовольствия, от предвкушения чего-либо. Нет, сейчас Берия не был зол. А еще не так давно он возглавил Специальный комитет при ГКО. Неужели Урановый проект?

— Петр Анатольевич, вы знаете, что такое секретная программа «Оверкаст»? — спросил Берия, вдруг остановившись возле Платова.

— Знаю, — кивнул генерал. — Это секретная программа в США, в рамках которой немецких специалистов ракетной отрасли переправляют за океан. В основном это разработчики ракетной техники из ведомства фон Брауна.

— Замечательно, — прищурил глаза Берия, и его очки хищно блеснули. — Но у нас немало полезной информации. Причем не только по ракетной технике, но и по урановой тематике. Вы знаете, что в советской оккупационной зоне, на базе подземного завода «Миттельверк» и нескольких уцелевших лабораторий, мы создали институт. И мы вплотную работаем с немецкими специалистами. Мы направили в Берлин наших ученых даже из числа тех, кто недавно работал в так называемой бывшей Казанской «шарашке».

— Это Казанский авиационный мотостроительный завод № 16?

— Совершенно верно: это и Королев, и Глушко, и многие другие, кого нам удалось сберечь, несмотря на то что они были осуждены по 58-й статье. Постановлением Государственного комитета обороны создана комиссия по изучению трофейного немецкого ракетного оружия.

Платов уже начал понимать, куда клонит всесильный нарком. И именно поэтому он так подробно рассказывает о происходящем, о работе, которая активизировалась буквально в последние два месяца, хотя атомной темой Берия занимался уже не первый год. Платов помнил, как группа Шелестова направлялась в Норвегию на завод по производству тяжелой воды для немецких физиков-ядерщиков.

— В Германии мы открыли научно-исследовательский институт «Рабе»[1]. Его главная цель — привлечение немецких специалистов по ракетостроению для помощи в текущих и будущих советских ракетостроительных разработках. И конечно же — изучение работ немецких специалистов по системам управления полетом ракет.

— И есть серьезные успехи?

— Есть! — кивнул Берия с довольным видом. — Есть! Наши специалисты обнаружили спрятанные в шахте нацистами неподалеку от Блайхероде комплекты аппаратуры «Виктория Хофнер» для радиоуправления боковой радиокоррекцией и дальностью полета ракет по баллистической траектории. Там в институте быстро сформировали лаборатории гироприборов[2], рулевых машин, электрических схем и наземных пультов, радиоприборов и конструкторское бюро. Это грандиозная работа, но она в руках наших специалистов, наших инженеров. Но я вас, Петр Анатольевич, пригласил немного не по этому поводу, как вы понимаете. При институ-

---

[1] Открыт в июле 1945 года в городе Блайхероде. «Рабе» от нем. Raketenbau, «ракетенбау» — ракетостроение.

[2] Гироприбор — устройство, содержащее гироскоп и предназначенное для определения параметров движения (или положения) объекта, на котором оно установлено, а также для его стабилизации.

те организована служба, основная задача которой — поиск немецких ракетчиков, переманивание или даже похищение их из американской оккупационной зоны. Мы начинаем возвращать в Подмосковье из эвакуации институты, создавать научные спецпоселки под Москвой и для наших, и для прибывающих немецких специалистов, которые согласились работать в Советском Союзе. Это Химки, Мытищи, Калининград[1], Загорск[2] и некоторые секретные военные городки и дачные поселки с удобным расположением. Вы понимаете ситуацию?

— Понимаю, Лаврентий Павлович. Понимаю, что вас беспокоит. Подмосковье — глубокий тыл, сердце нашей страны. А реально мы еще не расчистили до конца эти районы от остатков немецких агентурных сетей, которые были законсервированы еще абвером в 1943–1944 годах. После краха Германии и ее разведывательных служб многие из этих агентов залегли на дно, ждут сигнала от новых хозяев — британской и американской разведок. Да и среди прибывающих специалистов, возможно, могут найтись те, кто был завербован иностранными разведками.

---

[1] Калининград — сейчас город Королев.

[2] Загорск — сейчас город Сергиев Посад.

Оборудование, материалы испытаний, производственные формуляры и фрагменты изделий прибывали в Советский Союз еще до официальной капитуляции германских войск. А в мае, июне и июле постепенно стали прибывать и немецкие специалисты, изъявившие желание работать в Советском Союзе по прежней ракетной тематике. Поселки для иностранных специалистов оборудовались в непосредственной близости от научных центров. Немцев расселяли в соответствии со статусом и семейным положением. Многие приезжали с семьями и заселялись в удобные коттеджи на охраняемой территории. Въезд на территории этих поселков, как и выезд, строго контролировался постами НКВД. Казалось бы, сделано очень многое для того, чтобы отечественное ракетостроение развивалось мощным рывком, опираясь на уже полученные данные. Но Берия, вызвав тогда Платова к себе, трезво оценивал предстоящие проблемы и сложности.

И первое происшествие не заставило себя ждать, когда в начале августа в Москву прибыл очередной поезд из Германии, в составе которого было два спецвагона, внешне ничем не отличающихся от обычных мягких пассажирских. В них в Москву прибыла очередная группа немецких ученых с семьями. В том числе и доктор Вальтер

Хоффман — 49-летний специалист по ракетным двигателям, ведущий инженер ракетного центра в Пенемюнде.

Это потом, когда была подготовлена и реализована операция под кодовым названием «Осоавиахим», тысячи немецких специалистов, ученых, подписавших контракты, вывозили из Германии в специально оборудованных товарных вагонах. Найти сразу в стране необходимое количество пассажирских вагонов было невозможно. Да и маскировка операции здесь играла не последнюю роль, ведь многие немецкие семьи выезжали в Советский Союз, имея большое количество личных вещей и даже мебель.

Через десять дней после расселения очередной партии ученых в спецпоселке в Химках Вальтер Хоффман исчез. Об этом Платову сообщили по телефону из отдела НКВД, в чьем ведении находился поселок. Генерал несколько секунд держал возле головы телефонную трубку, в которой уже раздавались короткие гудки, потом спокойно положил трубку на рычаг телефона, поймав себя на мысли, что этому сообщению он не удивился. Можно было даже сказать, что чего-то подобного он и ждал. Нажав кнопку селектора, Платов коротко приказал:

— Группу подполковника Шелестова ко мне. Срочно.

* * *

Почему этот поселок назывался Красная Сосна, никто не знал. Да, может быть, и не задумывались — мало ли чудных и непонятных названий. Да и не до названий, когда по стране прокатилась страшная война, унесшая миллионы жизней, когда вся европейская часть в руинах, когда в стране голод и нужно в короткие сроки поднимать промышленность, сельское хозяйство.

Машина неслась по пустынному в этот утренний час Дмитровскому шоссе. Сосновский, сидя за рулем «эмки» смотрел на мокрый после ночного дождя асфальт и думал о том, что война закончилась. Многие думают теперь, что вот отстроимся заново, поднимем снова города, фабрики и заводы и заживем. Но так не думали люди в погонах. Сосновский и его товарищи знали, что на Дальний Восток идут эшелоны за эшелоном с войсками и военной техникой. Милитаристская Япония будет разгромлена, чтобы навсегда положить конец угрозе с востока, уничтожить последнего союзника Гитлера, режим в последней из стран Оси. Да и на территории СССР еще не скоро перестанут звучать выстрелы. Еще прячутся в лесах банды украинских националистов, «лесных братьев» в Прибалтике. И здесь, в Подмосковье, тоже неспокойно. Да в вообще — окончилась горячая

война, окончились боевые действия, но будет продолжаться война разведок. Это неизбежно. Вот и сейчас группа выехала в поселок, в котором будут жить немецкие специалисты, которые захотели работать в нашей стране, кто отказался уезжать за океан. По разным причинам, но они остались. И этим очень недовольны многие на Западе.

— Далеко еще? — спросил с заднего сиденья Буторин, протирая глаза.

— Нет, подъезжаем, — отозвался Шелестов, который тоже молчал всю дорогу, размышляя о том же, о чем и Сосновский.

А еще он думал об этом задании Платова, о том, что теперь придется серьезно работать по вражеской агентуре в стране. О том, что окончилась лишь видимость войны, а противник остался все тот же — те страны, кто не хотел сильного Советского Союза, кто боялся его идеологии, кто завидовал обилию ресурсов страны. Если вспомнить историю, то всегда, во все века Запад пытался покорить Русь. Раз в сто лет собирались объединенные силы и шли завоевывать русские земли. А потом, как однажды выразился Буторин, «получали по морде, возвращались зализывать раны и советовали детям и внукам не трогать русских. Но проходили десятилетия, и новые поколения правителей решали, что они